

Делия Стейнберг Гусман

ТАЙНЫЙ ИДЕАЛ ТАМПЛИЕРОВ

Библиотека «Нового Акрополя»

Делия Стейнберг Гусман
Тайный идеал тамплиеров

«ИП Карелин»

2015

УДК 7.032:82-21:292.11
ББК 63.3(0)4

Гусман Д.

Тайный идеал тамплиеров / Д. Гусман — «ИП Карелин»,
2015 — (Библиотека «Нового Акрополя»)

ISBN 978-5-91896-091-2

История ордена тамплиеров наполнена множеством тайн, которые вряд ли уже возможно до конца разгадать. Эти тайны связаны не только с людьми, их действиями, их образами или символами, с тем, о чем они могли думать или о чем могли говорить. Возможно, дело в другом: за такими огромными организациями, за такими мощными объединениями людей, которые столь значительно влияли на историю, всегда стоит какой-то Идеал. В основу этой книги лег курс лекций о тамплиерах и вдохновлявшем их идеале, прочитанный профессором Д. С. Гусман в Мадриде.

УДК 7.032:82-21:292.11

ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-91896-091-2

© Гусман Д., 2015
© ИП Карелин, 2015

Содержание

Об авторе	6
I. Введение	8
Идеал тамплиеров	9
Корни. Возникновение	10
Их миссия	16
Предыстория	21
II. Официальная история и история сокрытая	32
История и миф	32
Основатели	33
Ковчег Завета	41
Заключение	44
III. Устав тамплиеров	49
Церковный собор в Труа. Устав	49
Внутренняя структура ордена	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Делия Стейнберг Гусман

Тайный идеал тамплиеров

Delia Steinberg Guzman

EL IDEAL SECRETO DE LOS TEMPLARIOS

Editorial Nueva Acropolis Madrid

В оформлении обложки использован фрагмент фрески Andrea Orcagna, La cacciata del Duce d'Atene, Флоренция, музей Палаццо Веккьо/

Об авторе

Делия Стейнберг Гусман – философ, писатель, музыкант, лауреат многих музыкальных конкурсов, кавалер Парижского Креста Французской академии в области искусства, науки и литературы. Ее перу принадлежат несколько сотен статей и книги, среди которых «Игры Майи», «Сегодня я увидела...», «Философия как образ жизни», «Как лучше узнать себя», «Мне сказали, что...», «Герой повседневности» и другие.

В 1991 году Д. С. Гусман возглавила международную классическую философскую школу «Новый Акрополь» и ведет широкую культурнопросветительскую деятельность, читая в разных странах мира лекции по философии, философии истории, символизму древних культур, истории искусства, психологии, метафизической эстетике и т. д.

Тамплиер
*Фрагмент фрески в церкви ордена Храма.
XIII в. Сан-Бевиньяте*

I. Введение

Тема тамплиеров не очень проста для рассмотрения, ведь это часть тех самых историй, мифов, традиций и легенд, которые разными людьми всегда воспринимаются по-разному. Вокруг тамплиеров сложилось множество мнений; и в их защиту, и против них было сказано уже многое; какие-то факты долгое время оставались в тени, какие-то вдруг обнародовались. Чуть ли не каждый день находится автор, полагающий, что именно он знает правду, и представляет нам свою последнюю книгу, которая наконец-то должна направить нас по верному пути... Но наша книга на абсолютную истину не претендует.

Вряд ли возможно говорить о тамплиерах, не используя слово «тайна». Но чтобы не погрузиться в эту тайну слишком глубоко и не бродить который раз в потемках, я бы предпочла назвать эти заметки «Тайный идеал тамплиеров».

Очевидно, что за всей историей тамплиеров есть что-то скрытое. Очевидно, что тайна существует, и я не знаю, сможем ли мы вообще когда-нибудь ее разгадать. Но думаю, что тайна эта связана не только с людьми, их действиями, их образами или символами, с тем, о чем они могли думать или о чем могли говорить. Дело в другом: за такими огромными организациями, за такими мощными объединениями людей, которые столь значительно влияли на историю, всегда стоит какой-то ИДЕАЛ. И в нашем случае я хотела бы поговорить об идеале тамплиеров.

Идеал тамплиеров

Что мы могли бы отобрать из всего того материала, которым располагаем, чтобы понять идею, двигавшую ими на протяжении почти двух сотен лет? Идею, которая и позволила им за это сравнительно короткое время подняться так высоко и произвести такое впечатление на умы, на воображение стольких людей.

Одна из первых тайн, связанных с тамплиерами, – это тайна их рождения. Каковы истоки тамплиеров, каково их происхождение? Не хотелось бы утомлять читателя длинными рассказами и датами, достаточно обратиться к любой энциклопедии или соответствующему исследованию и познакомиться с историей создания ордена, найти информацию о первых его членах, о которых мы вкратце тоже обязательно поговорим.

Но и без того совершенно ясно, что тамплиеры появились загадочным образом.

Как это произошло, мы не знаем. Они просто появились – и всё. Это было как взрыв, как вспышка – вдруг возникли люди, деньги, средства, и отзвук этого взрыва дал о себе знать не только на всем Европейском континенте, но и на Востоке.

Но важно не только то, что такой взрыв произошел, но и то, что возникли определенные идеи, поистине революционные.

Тамплиеры приходят с такими знаниями, такими навыками, такими нормами жизни, которые намного превосходят, намного опережают все, что в те времена можно было себе представить.

Сегодня, когда мы привыкли воспринимать жизнь с практической, материальной точки зрения, нас весьма впечатляет тот факт, что тамплиеры в XII веке смогли придумать банковскую систему, подобную современной или даже более совершенную. Это была система международных платежных средств, которая позволяла им взаимодействовать, где бы они ни находились.

А если мы оставим в стороне материальный аспект, то увидим тамплиерскую идею объединенного мира; идею человека, в котором человеческое гораздо важнее всех различий и национальных барьеров; идею великой империи, в которой духовное выше материального. Обращают на себя внимание их познания в области искусства и науки, их религиозная самоотдача, чистота их личной жизни.

И мы снова задаемся вопросом: как все это удалось подготовить и осуществить за столь короткое время?

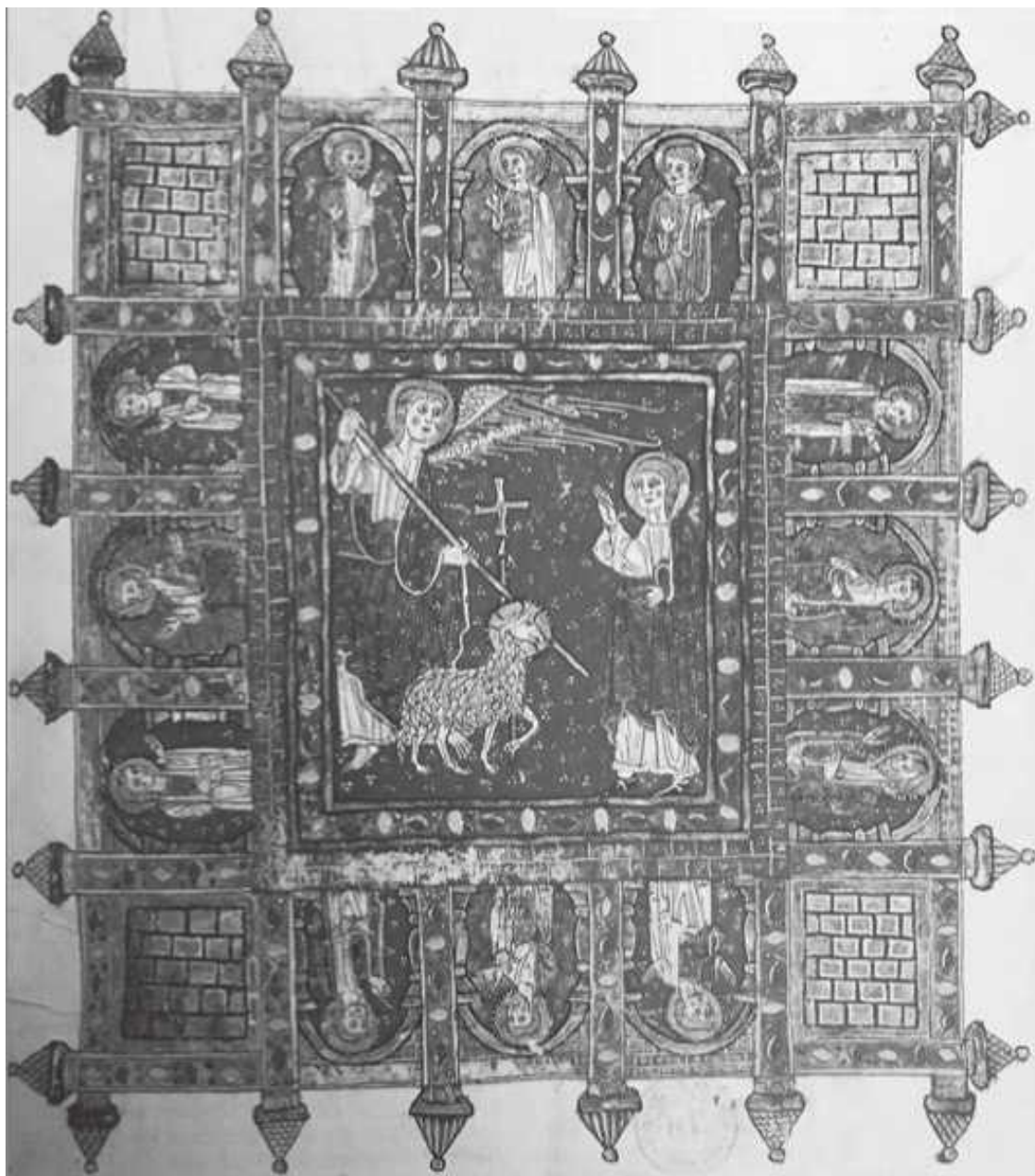
Мы видим огромную проделанную работу. Логично предположить поэтому, что все готовилось заранее, и нам предстоит докопаться до глубоких корней. Давайте отправимся назад, в прошлое, и попытаемся выяснить, откуда же взялись тамплиеры.

Корни. Возникновение

На протяжении всей истории или, по крайней мере, того, что мы привыкли называть историей (то есть того периода жизни человечества, о котором написано в наших книгах и датировки которого вписываются в наши представления), у всех народов встречаются упоминания об одном чрезвычайно важном обстоятельстве.

Самые древние народы, которые, как они сами считали, имели магические корни и вели свою родословную непосредственно от богов, были уверены, что люди не в одиночку создавали свою историю, что они не были одиноки в момент, когда рождалась цивилизация. Что вместе с ними в построении цивилизации участвовало некое таинство – то, что мы называем Богом, или, говоря сегодняшним языком, некие силы природы, моральные силы, которые древние называли богами – во множественном числе. Это они подталкивали людей и помогали им в любом деле, вдохновляли, указывали благоприятные моменты и подходящие места – чтобы люди чувствовали, что где-то наверху у них есть Родители, и всегда старались точно следовать их наставлениям.

Небесный Иерусалим

Миниатюра. XIII в. Фото репродукции

Иногда стоит перелистать страницы истории не только для того, чтобы остановиться на каких-то именах, географических точках или датах; порой можно спросить себя: *а почему* произошли те или иные события? и *как* они произошли?

Каждый раз, когда что-то в истории чудесным образом (как нам кажется) рождается, развивается, переживает свою кульминацию, мы всегда ощущаем нечто подобное порыву ветра – какую-то идею, нечто особенное, что дает импульс этому движению человечества вперед.

Подобный «ветер», подобные идеи не теряют силу на протяжении всей истории. И возникает чувство, что люди на самом деле не одиноки. Что существует некое божественное, высшее вдохновение, которое поддерживает лучшие человеческие свершения.

Это вовсе не означает, что лучшие или худшие периоды истории объясняются, соответственно, более или менее сильным воздействием этого высшего вдохновения. А означает,

что люди иногда воспринимают его лучше, а иногда хуже. Когда люди особенно готовы к ним и открыты им, идеи усваиваются и воплощаются хорошо. Когда люди заняты разными обстоятельствами, которые не способствуют воплощению морального идеала, когда они больше погружены в материальные заботы, эти идеи улавливаются гораздо хуже, а значит, и воплощаются тоже гораздо труднее.

Конечно, в феномене тамплиеров мы видим некоторую преемственность, он не кажется нам отдельным, изолированным. Мы рассматриваем его как еще одно звено длинной цепи чудесных явлений, которые встречаются на протяжении всей истории человечества. Всегда существует какой-то фактор, который в определенный момент истории позволяет проявиться лучшему, что есть в природе человека. И в случае тамплиеров это так.

Корни тамплиеров скрыты, корни эти уходят глубоко и имеют много общего с другими важными историческими процессами, поэтому можно утверждать: чем дальше мы будем двигаться в прошлое, тем больше источников будем находить.

Тамплиеры появляются в определенном месте в определенную эпоху. Место – Европа (хотя на самом деле возникли они на Востоке). Эпоха – Средние века.

Но эти факторы, определяя какие-то черты тамплиеров, не определяют полностью их идеал. Хотя, конечно, свое влияние они окажут.

Восток приходит в упадок, Европа – по закону баланса – должна подняться. И если надлежит послать какой-то импульс, дать определенную энергию, логично это сделать там, где она будет использована наилучшим образом.

Так куда направить энергию? В Европу, в X, XI, XII века.

Конвенту-де-Кришту (монастырь ордена Христа)

Главная твердыня португальских тамплиеров и их наследников, ордена Христа. Томар, Португалия

Мы привыкли рассматривать Средние века как темный период в истории, скудный на явления культуры, не располагающий к искусству и духовной сфере. Однако это не совсем

так. Средние века, как следует из самого их названия, играют промежуточную, связующую роль, соединяя два других периода. И на этом переходном этапе, где все, кажется, пребывает в покое и застое, многого не хватает, но при этом вызревают некоторые важные события. Они проявляются более сдержанно, более скрытно, но это не означает, что в лоне Средневековья не готовятся прорасти семена чего-то чрезвычайно существенного.

Таким образом, мы имеем:

- Средневековье как период подготовки почвы,
- Европу как континент, которому требуется возрождение,
- тамплиеров как ответ на эту историческую потребность в конкретном месте и в конкретное время.

Многие мыслители, многие группы людей, многие религии и секты в свое время выдвигали идею нового мира; ведь каждому из нас, пока мы живем, необходимо видеть перспективу, следующее мгновение, новый этап, нам всем нужен новый опыт, который будет иметь продолжение.

Когда тамплиеры предлагают новый мир, это не означает, что предыдущий никуда не годится. Они хотят лишь чего-то нового, что важно и остро необходимо именно сейчас. Они хотят нового мира, способного разрешить те проблемы, которые стоят именно в данный момент.

Это будет, как они мечтают, прекрасно организованный мир, мир, основанный на братстве, на духовности, мир, который всеми средствами пытается связать людей друг с другом, уничтожить различия, помочь понять, что корни куда важнее барьеров, которые мы снова и снова ставим, порой сами не осознавая почему.

Для появления этого нового мира потребуются несколько человек, те, кого назовут основателями ордена Храма. О некоторых из них мы ничего не знаем – возможно, они предпочли остаться в тени, чтобы их личности, их имена не заслонили собой, не затмили того дела, которое они хотели видеть ясным и чистым.

Рыцари-монахи ордена Храма
*Фрагмент саркофага донны Леоноры Руиз де Кастро в церкви Санта-Мария. XIII в.
Вильялькасар-де-Сирга, Испания.
Фото репродукции*

Как им удалось осуществить подобное предприятие, да еще развить его до полного расцвета буквально за несколько лет? Как мы говорили, и двухсот лет не прошло, как наступил внезапный, трагический финал. Финал, который оставляет чувство, что нечто было подрублено под корень, резко и окончательно уничтожено. И мы спрашиваем себя: зачем столько усилий, для чего такая подготовка, для чего такие жертвы, столько попыток восстановить связь с древними силами, с теллурическими энергиями, с божественными тайнами и тайными знаниями, — если все это закончилось полным провалом?

Однако мы, возможно, не всегда способны дать справедливую оценку тому, что видим. Платон часто говорил в своих работах, что истинное для людей — это ложь для богов, а истинное для богов часто оказывается ложью для людей.

Опираясь на эту идею Платона, можно предположить, что то, что обычно называют провалом (имея в виду трагический финал тамплиеров), может быть, в масштабах истории провалом не является.

Да, исчезли многие люди. Да, исчезло само название ордена Храма, исчез сам орден как организация. Все это правда. Но разве исчезло семя, которое было ими посеяно? Разве можем мы говорить наверняка об окончательном уничтожении? Разве можем мы утверждать, что века спустя и в искусстве, и в науке, и в религиозной сфере, и в гуманистической не осталось их наследия, которое продолжает волновать очень многих?

А разве мы сегодня, не будучи тамплиерами, не мечтаем о другом мире, чуть более совершенном, чем наш сегодняшний? А потому заявлять о провале в случае тамплиеров будет несколько опрометчиво. Мы можем говорить о конце тамплиеров, однако было это провалом или нет, покажет история, но только гораздо позже.

Их миссия

В одной из книг я с удовольствием обнаружила определение ордена тамплиеров как эзотерической транснациональной корпорации. Мы уже поняли, что сегодня всё, для чего мы ищем определение, должно соответствовать нашим нынешним, не всегда адекватным представлениям. Сегодня активно действуют транснациональные корпорации, и логично предположить, что тамплиеры были похожи на них, только имели эзотерический характер. У этой «корпорации», как принято считать, были родители-французы, хотя возникла она далеко от французских территорий, на Востоке, в *Святой Земле*. Ее особенностью было очень быстрое развитие: за относительно короткое время она охватила огромные территории и затронула большое количество людей.

Нам говорят, что тамплиерам все это удалось в значительной степени потому, что внешне они соответствовали всем церковным правилам, что их «фасад» отвечал всем требованиям, но при этом внутри они следовали другим идеям, другим задачам, другим устремлениям.

Возможно, они искали иного типа знаний и, что естественно, иного типа власти – не поверхностных знаний и не власти из стремления к тирании. Возможно, это было то знание, к которому стремились мудрецы всех времен, и та власть, которая была бы воплощением иного, высшего мира, о котором мы уже говорили.

Мы видим, что у тамплиеров есть *миссия эзотерическая*, внешняя, и *миссия эзотерическая*, внутренняя.

Эзотерическая миссия связывается с развитием цивилизации: упорядочивать жизнь людей, улучшать самого человека, способствовать развитию всех сфер жизни, начиная с сельского хозяйства и заканчивая торговлей, строить и восстанавливать монастыри, которые в те времена были настоящими школами, призванными передавать все известные знания, все профессиональные навыки. Одним словом, это *в высшей степени цивилизационная задача*.

Но это внешнее стремление к развитию цивилизации соответствовало *внутренней миссии*, эзотерической, основным девизом которой была *эволюция*.

Если бы в замысел тамплиеров не входила эволюция человека, необходимость человеческого роста, все их усилия по развитию цивилизации не имели бы никакого смысла. Все эти усилия по обучению, передаче, улучшению не имели бы смысла, если бы за ними не стояла другая идея: развиваться, расти, поднимать человека высоко над его невзгодами, но не столько над материальными проблемами, сколько над теми, что делают его приниженным, испуганным, удрученным. Столкнуть человека со своим собственным сознанием, дать ему чувство собственной значимости, направить его навстречу истории, но теперь уже более сильным, более богатым, более уверенным, более решительным.

Понятно, что для этого требуются какие-то внешние формы действия. А их нам увидеть гораздо легче.

Орден Храма с самого начала своего существования выступает с широкой социальной миссией – приобщать к культуре. Нужно было нести культуру Европе, где феодальная знать помимо благородства по рождению ничем более не напоминает благородное сословие.

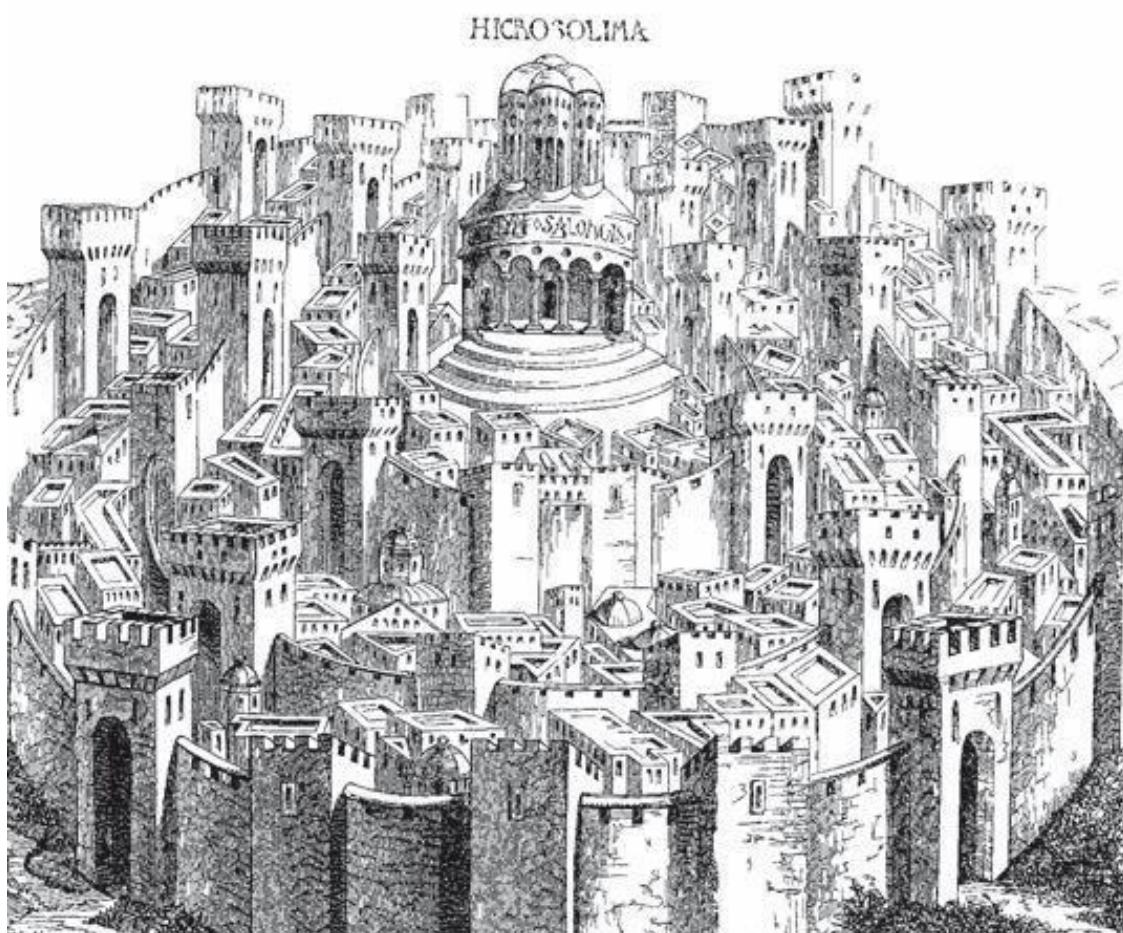
Эти дворяне были в большей степени просто солдатами, притом плохо воспитанными. Вспомним, что в то время грамота считалась «делом юбки». Рыцарь, дворянин не умел ни читать, ни писать. Ему подобало быть жестким и суровым и посвящать себя тому, чего требовало от него время.

Тем не менее надо было изменить и этих рыцарей. И им тоже надо было дать умение тонко чувствовать, глубоко понимать, способность писать историю не только посредством силы, войны, но и посредством культуры.

Итак, мы видим орден Храма, несущий импульс цивилизации и изумляющий нас скоростью своего распространения. Встречаются два человека, потом их становится девять; на протяжении многих лет их остается все так же девять, они живут в бедности, уединенно, никому не навязываются, ни в чем не участвуют... Но очень скоро начинают приходить люди, люди, которые присоединяются к ним, которые становятся их сторонниками, которые остаются им верны; в адрес ордена поступают пожертвования, его богатства растут чудесным образом.

Расширение происходит настолько быстро, настолько заметно, что, конечно же, привлекает к себе внимание. И вполне понятно, что все это рождает сначала подозрения, отрицательные мысли, а не положительные. Естественно, возникает вопрос: а что скрывается за этим молниеносным взлетом тамплиеров, за этим небывалым успехом без видимых причин?

То, что они несут какую-то скрытую миссию, становится ясно, если проанализировать и другие факторы.

Иерусалим.

Факсимиле гравюры на дереве из Нюрнбергской хроники. 1493

Орден Храма начинается на Востоке с двух рыцарей, предложивших охранять те дороги, по которым христианские паломники следуют ко Гробу Господню. Рыцари настолько бедны, говорит предание, что у них всего одна лошадь на двоих, и им приходится сидеть на ней вдвоем, причем, что удивительно, один при этом смотрит вперед, а Другой – назад... Чтобы понять этот символизм, придется немало потрудиться.

Эти рыцари, которые приходят с почти воинской миссией, хотя и с религиозным рвением, поскольку речь идет об охране Гроба Господня, за какие-то десять лет достигают двух целей:

- на Востоке собирают настоящую армию, которая охраняет дороги и подходы к Иерусалиму,

- на Западе создают множество провинций со своими командорствами и крепостями, где не ведется война, но строится цивилизация, где развиваются экономика, торговля, сельское хозяйство, где готовятся люди самых разных специальностей.

Но если все это началось с нескольких рыцарей, чьим единственным намерением было охранять дороги, то откуда тогда эта небывалая способность организовать в столь короткое время целые провинции, целые королевства, большие массы людей? Откуда они так быстро получают знания об искусстве, экономике, науке, строительстве, продолжая при этом воевать, и каким образом сочетают оба эти направления – сражающихся на Востоке рыцарей и тех, кто на Западе строит новую цивилизацию?

Если за этим не стоит какой-то невидимой силы, объяснить это невозможно. Если за этим нет особого духа, чего-то высшего, что руководит этим движением, то существование тамплиеров не поддается объяснению.

Если обобщить те знания, которые они принесли, мы увидим, что они охватывают три основных грани жизни:

1. *Культуру*, поскольку не существует знаний, которые бы не были в ее ведении.

2. *Торговлю*, поскольку они всеми средствами пытаются обогатить Европу и ее население и вывести людей из того варварского состояния, в какое они попали вследствие падения Римской империи и последующих нашествий.

Два рыцаря на одном коне

Печать магистра Бертрана де Бланифорта, принятая в 1168 г.

3. *Возведение религиозных сооружений*, которые помогали бы человеку не просто владеть жалкое существование на горизонтальном уровне, не просто быть винтиком в экономическом или культурном механизме, но превратиться в нечто вертикальное, во что-то значительное, в того, кто имел бы возможность чувствовать Бога на земле и жить с ним.

Но мы снова возвращаемся к вопросу: откуда эти знания?

Познания в сфере коммерции можно объяснить разными способами. Знание культурной традиции мы можем связать с традициями средневековых монастырей. Но не так просто объяснить знания об особом искусстве строительства, о могущественной магии, позволившей менее чем за двести лет вызвать подлинный взрыв *готического искусства* по всей Европе. Это требует по-настоящему глубоких познаний.

Сегодня мы бы назвали их инициатическими знаниями. Они требуют уже не только владения математическими формулами, но истинной интуиции, способности вступать в контакт с природой. Способности чувствовать связь между силами природы и человеком. Этим не овладеешь, прочитав несколько цифр или слов, написанных на бумаге.

Тамплиеры оказались способны направить в мир силы такого свойства, что силы эти, как мы говорили раньше, оставили след в сознании тысяч и тысяч людей. Это были знания, которыми не просто овладеть и которые не просто передать. И чтобы объяснить это, мы хотим обратиться к истории.

Предыстория

Стоит задаться вопросом, как все это могло появиться в той форме, в которой появилось. И стоит убедиться в том, что появлению тамплиеров предшествовало множество ступенек.

Заглянем в прошлое, во времена падения Римской империи. Для Запада падение Рима означало полную катастрофу, и в первую очередь для торговли: все пути перерезаются, знаменитые римские дороги порастают травой, расчищать их некому, по ним перестают ездить.

Рвется и нить культуры, поскольку средств сообщения больше нет и нет доверия к тем людям, которые прежде выделялись своими познаниями.

Обрывается и религиозная нить. Религия, которая в греко-римском мире была основой существования, уже не выполняет свою задачу. С другой стороны, христианство еще не настолько окрепло, чтобы полностью занять то место, на которое оно только-только стало претендовать.

Это настоящая катастрофа, момент отчаяния и неустойчивости. Мало того, после падения Рима – и это естественно, когда центральная власть теряет силу, – вторжения не заставляют себя ждать. Со всех сторон приходят варвары, как их называли греки, – чужеземцы из разных мест, и приходят они не строить, а грабить.

Рим возводился на протяжении долгого времени, и теперь в нем было вдоволь камня и мрамора, которые надо было просто перенести с одного места на другое. Даже сегодня многие продолжают обращаться к той эпохе, как персонаж из анекдота, который, украв кран, с гордостью показывает его жене: «Ну вот, с этого дня у нас в доме будет вода», крутит вентиль, но воды нет, и бедняга сокрушается: «Как же это получалось у римлян? Ведь они просто поворачивали кран, и вода шла».

Реальная проблема возникает в разрыве между двумя мирами, один из которых уже пал, а другой представляет собой полчища варваров. Есть что грабить, но нет ни малейшего понимания, что со всем этим делать.

В разгар всех бедствий возникает ощущение, что мир рушится и уже никогда ничего нельзя будет восстановить... Что те боги, которые воодушевляли греков и римлян, вернулись на Олимп и не хотят больше иметь дела с людьми. Однако случилось по-другому.

Еще в конце *V* века рождается Бенедикт, будущий *Бенедикт Нурсийский*. В гуще вторжений варваров он остается верен мистическим воззрениям и посвящает себя медитациям. Нам рисуют его далеким от мира, бесстрастным к проблемам человеческим. Но за короткое время у него появляется множество учеников, и впору спросить: как это возможно? Тот, кто полностью ушел от мира, кто не разговаривает, а только медитирует, кто не хочет ни с кем общаться, у того не может быть учеников, а у Бенедикта они есть. Слухи о его святости распространяются все шире, рядом с этим чудесным человеком собирается все больше людей, и вот уже вокруг того, кто станет святым Бенедиктом, постепенно образуется небольшая община, экономически полностью независимая. Членам этой общины приходится делать абсолютно всё. Семь часов тяжелой работы в день – нужно возделывать землю, иначе нечего будет есть; четыре часа на разные необходимые для жизни дела: шитье одежды, изготовле-

ние кухонной утвари, сельскохозяйственных орудий... И у них остается четыре часа для того, чтобы учиться.

Бенедикт Нурсийский
Фрагмент фрески Фра Беато Анджелико «Распятие и святые».
1441-42. Монастырь Сан-Марко, Флоренция

Как видим, эта монашеская община ведет суровую жизнь, она весьма крепка, у нее есть горячее желание посвятить себя такой жизни, и ее члены надеются, что им удастся вести ее и дальше.

Что будут делать люди, собравшиеся вокруг святого Бенедикта? Они развернут невероятную культурную деятельность, но так сдержанно, что почти никто ее не заметит. Долгое время ученики Бенедикта заняты тем, что собирают повсюду, где только могут, произведения классической литературы, все, что хоть как-то можно спасти от разграбления и разрушения раннего Средневековья.

И так случилось, что несколько *бенедиктинцев*, простых, трудолюбивых, любящих культуру, чтящих традицию монахов, сами того не желая и почти незаметно для всех, установили связь Запада с греческой традицией еще до того, как это сделали арабы.

Принято говорить, что мы узнали о Пифагоре и Платоне от арабов, но еще раньше это осуществили бенедиктинцы, поскольку они еще до XI и тем более до XV века уже знали этих авторов, их теории и их традицию и всеми силами пытались сохранить и спасти от забвения.

Есть многое, за что мы должны быть благодарны бенедиктинцам, и среди прочего – за великого папу *Григория I*, которого так и прозвали – Великим. Он был бенедиктинцем и посвятил себя собиранию части греческой традиции, которая без него была бы безвозвратно утеряна. Я имею в виду пение, музыку, которую пели греки и о которой мы знаем сегодня так мало, поскольку не можем расшифровать их записи. Григорий собрал все это наследие, придал ему форму, дал новую жизнь, и сегодня мы с полной уверенностью говорим о *григорианском пении*, а некоторые знатоки даже осмеливаются намекать, что григорианская музыка имеет какое-то отношение к древней греческой музыке. Нет, она не просто «имеет отношение», это сегодня единственная подлинная наша связь с тем, чем была когда-то греческая музыка.

Итак, бенедиктинцы собирают труды по философии, музыку, произведения искусства, знания о строительстве. Именно они постепенно рожают чудо европейского искусства, которое будет названо *романским стилем*, и создают его на основе формул и законов, найденных, по их же словам, в наследии Пифагора и Евклида. Это значит, что греческая традиция живет в трудах бенедиктинских монахов.

Орден бенедиктинцев растет небывалыми темпами, и это похоже на настоящее чудо. Григорий I стремится использовать не только рождающуюся на его глазах силу ордена, но и силу христианства, которое в то время еще необычайно чисто, почти не затронуто никакими загрязнениями. Он будет использовать то течение христианства, которое придет из Ирландии. Ирландия не испытала ни нашествий римлян, ни англосаксонских завоеваний, сарацины тоже туда не добрались.

Христианство, придя в Ирландию и обосновавшись там, встретилось лишь с традицией кельтов, с мудростью их жрецов-друидов, но между друидами и христианами быстро установились дружественные узы. Различий между ними было не так много, они описывали одни и те же явления практически одинаковыми словами, поэтому и получилось, что ирландцы последовали за новой религией, почти не отдавая себе отчета в том, что что-то изменилось. Григорий, как мы говорили, использует все это с большим умением. Он пригласит ирландского священника, будущего святого Колумбана (также VI в.), воспитанного в христианской традиции, чистой и первозданной, и тот отправится в Галлию передавать эту особую форму христианства, будет много путешествовать.

Папа Григорий I диктует григорианский хорал

Библиотека бенедиктинского аббатства Санкт-Таллена, Швейцария. Фото репродукции

Таким образом, папа Григорий создаст чудесную смесь: он возьмет *христианство* в его самом чистом виде, какой только можно найти, возьмет все, что можно, из *греческой традиции*, все, чему научился за годы своей бенедиктинской жизни, и возьмет знания *кельтов* в сфере строительства.

Здесь при желании можно забраться очень далеко, поскольку нет недостатка в тех, кто уверен, что многие знания кельтов в области строительства храмов принадлежали *традициям атлантов*, были знаниями очень древними, древнейшими. Их заимствовали у тех, кто пережил гибель великого континента, кто достиг новых берегов и начал новую жизнь, посвятив себя тому, чтобы передать все, что знал и помнил.

В течение нескольких веков бенедиктинцы выполняют всеобъемлющую цивилизационную задачу, передают все, что связано со знаниями, ремеслами, профессиями.

Они начинают объединять – объединять тех, кто принадлежит к одной и той же профессии, кто изучает одни и те же правила, кто готов объединиться в едином стиле работы, которая является не просто работой, а представляет собой некий идеал, определенный образ жизни. Речь идет о сохранении живыми знаний древности, о глубоком понимании законов Природы, о поддержании этих законов в изначальном, неискаженном виде – как будто в надежде, что когда-нибудь, в какой-то другой момент истории придет что-то высшее, что-то лучшее.

Так мы доходим до *X века*, до 900 года. Бенедиктинцы на протяжении этих веков теми или иными способами спасают свои книги от всевозможных бедствий (ведь всегда находятся те, кто пытается помешать) и в конце концов получают очень интересный дар от французского короля: землю в *Ключи*. Там они построят свой невероятный монастырь.

Этот монастырь является, пожалуй, самым удивительным, самым чудесным университетом середины *X века*.

Все познания бенедиктинцев, все, что им удалось с огромным терпением, преданностью и самоотверженностью, благоговением и любовью собрать на протяжении почти шести столетий, – все это оказывается там, в Ключи.

Вот, кажется, и посеяно главное зерно, оно ляжет в основу другого процесса, который вот-вот начнется, – появления ТАМПЛИЕРОВ.

В чем же заключался синтез, осуществленный в Ключи?

Из *еврейской* традиции выбирается самое чистое в учении Моисея, Давида и Соломона; считается, что учение заключено именно там. Остальное берется в форме притч воспитательного характера. Евангелия, которые родились не в Европе и не на Западе, всеми средствами пытаются адаптировать к новой ментальности. В Ключи приходят к заключению, что учение Павла является более доступным для европейского менталитета, чем другие части Евангелия. Так возникает преданность Святому Павлу, и еще большая – Святому Иоанну. Но и последователи Павла, и последователи Иоанна считают, что именно в их учениях сокрыт главный эзотерический смысл христианства.

Из *греческой* традиции берутся Пифагор, Платон... К учению Аристотеля обращаются гораздо позже, в XIII веке: бенедиктинцы считают, что Аристотель подходит для широких масс, а для священников, особых людей, воспитывающих эти массы, необходимы Пифагор или Платон.

А что заимствуется у *кельтов*? У кельтов они воспринимают тайные знания в области строительства. Древние дольмены помогут им строить соборы, а кельтские черные девы, столь необъяснимые, столь загадочные, позволят создать культ Богоматери.

Постепенно происходит переход от одной формы архитектуры к другой, но духовный смысл остается прежним. Древние кельты, строя дольмен, ставили четыре вертикальных камня и один горизонтальный, тем самым ограждая кусок земли, на котором собирались особые энергии. При этом то, что они делали, не очень отличалось от действий людей, строящих большой собор. Задача и тех, и других – собрать теллурические энергии, идущие снизу, собрать энергии, нисходящие с неба, уловить их через высокие башни и поместить в самом центре человека, который становится струной, вибрирующей между этими особыми силами.

Как мы уже говорили, сила Богородицы, сила Девы, сила Матери с течением времени будет становиться все более заметной. Недаром тамплиеры говорят, что служат именно Богоматери. И само это понятие – Нотр-Дам, Наша Владычица, – как считают, случайно или сознательно ввел в лексикон тамплиеров *святой Бернар*.

Черная Мадонна крестовых походов
XII в. Церковь Св. Сабиниана, Сен-Савен, Франция.
Фото репродукции

До сих пор миссия оставалась в некотором роде за закрытыми дверями: надо было хранить мудрость, воспитывать монахов, готовить и обучать их, собирать, изучать. Теперь,

как кажется, требуется нечто большее. Теперь нужно, чтобы этот процесс формирования, тянувшийся на протяжении веков, открылся миру, вернулся в мир.

Романские храмы, маленькие и уютные, побуждающие к уединению, храмы, что приглашают остаться наедине с собой, встретиться с собственной душой, как раз и служили для подготовки этих особенных людей, которые взвалили на свои плечи развитие исторического процесса. Теперь нужны были другие храмы, куда более просторные, куда большего размера, храмы, которые вместили бы много людей. Пусть и не все из этих людей проникнут в суть таинства, но по крайней мере они испытают трепет, когда таинство осенит собой всех присутствующих.

Необходимо было изменить стиль искусства, изменить способ строительства, необходимо было раскрыть ключи, способы и правила. Вот, кажется, все готово для великой миссии, и решающий момент наступает.

Начинаются крестовые походы, появляются те самые рыцари, которые будут охранять дороги. Эти рыцари в течение десяти лет остаются на Востоке, не вмешиваясь ни в какие столкновения, а затем возвращаются в начальную точку, и с этого момента перед нами возникает *тайна тамплиеров*.

Памятник папе Сильвестру II
Орийак, Франция

Когда речь заходит о *Первом крестовом походе*, то все обычно вспоминают папу Урбана II. Но существует еще один очень интересный человек, который начал говорить о той же проблеме сотней лет раньше, – папа *Сильвестр II*. Этот папа, бенедиктинец, естественно, – личность чрезвычайно любопытная. Начиная с пастухом, поступил в бенедиктинский монастырь, там был сразу замечен его огромный талант к математике и физике.

Настоятель монастыря даже спросил у графа Барселоны, когда тот проезжал через их монастырь, есть ли в Испании более высокие учителя для столь одаренного молодого человека. И граф возьмет его в Испанию. Где юноша будет учиться? В школах, арабских и еврейских, которые на тот момент владели всеми познаниями в области алхимии, математики, физики.

Затем этот молодой человек вернется, чтобы передать все, чему научился, бенедиктинцам.

Он замечательный астроном, он изобретает разные инструменты, измерительные приборы – все исключительно любопытные, он хорошо знает музыку, строит органы. Наконец, это святой, который несет мир; это он установит среди знати то, что будет названо Божественным перемирием, чтобы они перестали убивать себя во имя Бога. И именно он будет первым, кто заговорит о Крестовом походе, о походе в Святую Землю, о походе в Иерусалим.

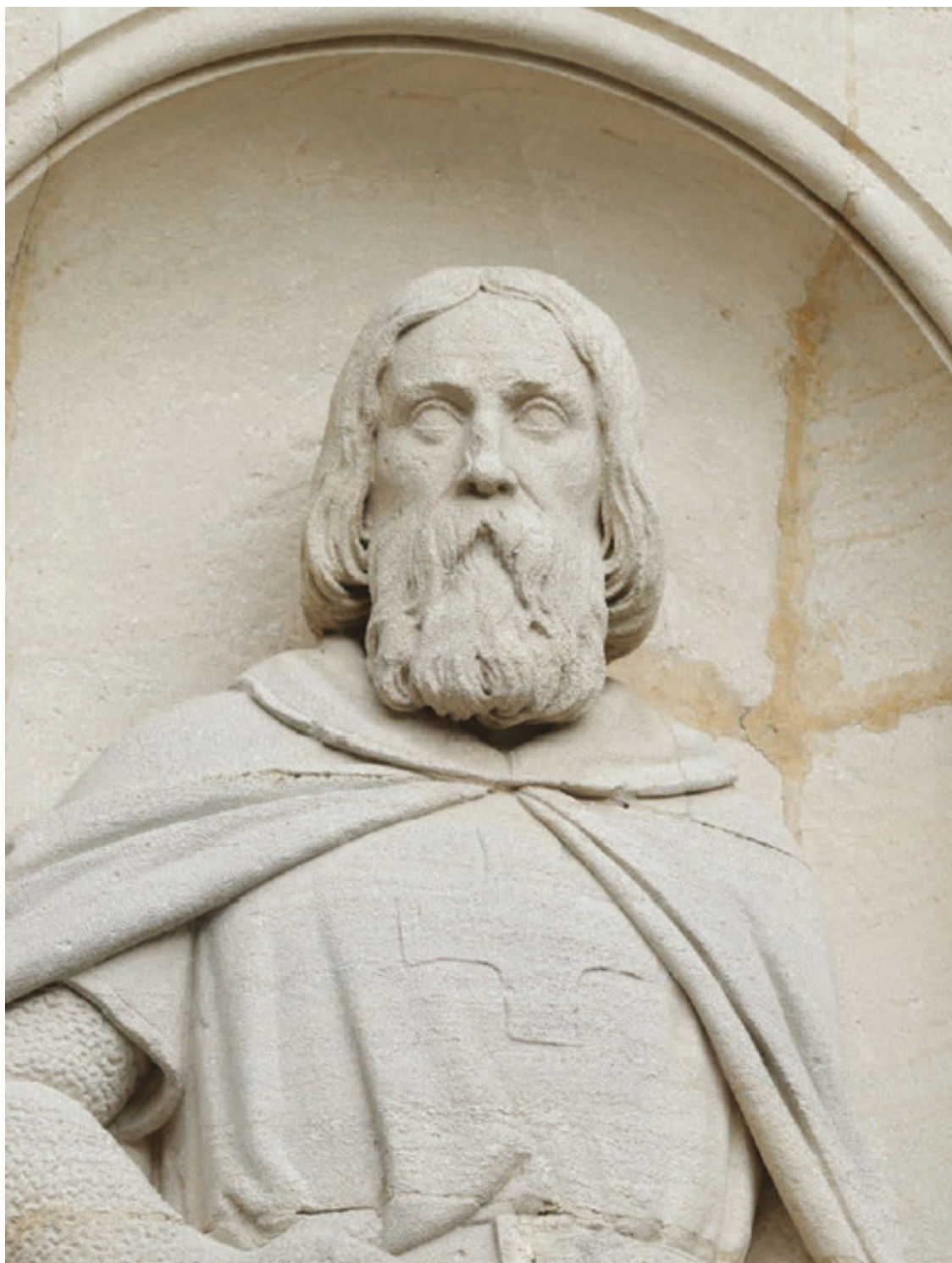
Чтобы сражаться с мусульманами? Вероятно нет, потому что он был воспитан рядом с мусульманами. Трудно представить, что тот, кто перенял все лучшие научные знания от мусульман, вдруг захотел пойти против них. Но, возможно, этот человек знал, что в Иерусалиме есть «нечто» – что-то очень важное, какой-то секрет, который позволит расцвести делу бенедиктинцев во внешнем мире и который приведет к появлению тамплиеров.

Многие авторы, в манере романтической, полу-фантастической и даже вовсе волшебной, рассказывают нам, что тамплиеры отправились в Иерусалим не сражаться, а искать *Ковчег Завета*. Что тамплиеры знали, где искать, нашли Скрижали Завета с их фантастическими секретами и решили забрать их и вернуть эти знания миру.

Соответствуют ли эти рассказы действительности, мы не знаем и не можем достоверно судить. Но иногда мы испытываем искушение думать, что нечто в этом роде возможно, произошло, что на Востоке, в Святой Земле, они что-то нашли, что-то настолько важное, что это изменило ход истории Запада на двести лет... Во всяком случае, так и случилось.

Поэтому мы говорим о тайне. Поэтому мы говорим о некоем *тайном идеале*.

Какие средства они использовали, чтобы воплотить этот идеал? Трудно сказать, ведь средства эти не афишировались. А вот что было достигнуто благодаря этому идеалу, мы увидим далее.

Первый Великий магистр ордена тамплиеров Гуго де Пайен
Фрагмент памятника св. Бернару. Дижон, Франция

II. Официальная история и история сокрытая

История и миф

Обычно под ИСТОРИЕЙ понимаются все те события, которые были зафиксированы хронологически и которые соответствуют принятой концепции времени – считается, что в соответствии с этой схемой и развивалось человечество. Но подобной хронологической упорядоченности нам недостаточно, хочется увидеть логическую связь между всеми событиями, преемственность между ними.

С этой точки зрения проблема тамплиеров вызывает несомненный интерес, поскольку, если выстраивать историческую последовательность, несоответствия становятся слишком явными. Можно говорить о датах, о местах, о персонажах, но будет много элементов, которые никак не стыкуются.

С другой стороны, когда говорят о мифе, первое, что обычно приходит на ум, – что речь идет о сказке, о каком-то обмане... И пусть даже это ложь не намеренная, но уж точно фантазия, что-то выдуманное человеком.

Поэтому я считаю разумным разъяснить эти два понятия.

Да, история с ее чисто хронологическим порядком нас не всегда удовлетворяет. Но и миф – это не всегда сказка или обман.

МИФ не соответствует элементам хронологии, его не слишком-то волнует время, но его волнуют символы, глубокие смыслы, которые в обычных исторических хрониках, как правило, в расчет не принимаются.

Миф не интересуется заметкой в газете, он идет куда дальше, и, поскольку язык его является символическим, реальное событие, лежащее в его основе, иногда остается скрытым.

Миф и символы скрывают нечто, находящееся внутри. Скрывают не для того, чтобы уничтожить, а для того, чтобы защитить.

Когда речь идет о тамплиерах, мы встречаем гораздо больше от мифа, нежели от истории. Их история весьма коротка и имеет много несоответствий. А связанный с ними миф очень богат. Есть множество символов, эпизодов, подробностей, которые могут показаться фантастическими, сказочными, однако же они отсылают нас к чему-то, и это «что-то» мы и попытаемся разгадать.

Основатели

Я хочу остановиться прежде всего не на датах, а на людях – на тех, с кого начиналась история тамплиеров.

Есть один человек, о котором известно мало, но он представляется нам центральной осью тех событий: рыцарь по имени *Гуго де Пайен (Пейн)*. Родился он около 1080 года во Франции. Почти все рыцари, составившие первую группу тамплиеров, были выходцами из Шампани. Считается, что он участвовал в Первом крестовом походе, что поэтому должен был хорошо знать *Годфрида Бульонского* (который после того, как Иерусалим наконец-то был взят, принял на себя ответственность за город), а потом, возможно, знал и Балдуина II – короля Иерусалима. О Пайене есть много разных сведений, но мало что известно наверняка. Возможно, он был официальным представителем графов Шампанских и оставался на этой второстепенной должности на протяжении нескольких лет... Известно, что он был женат, имел сына, и сын этот впоследствии стал аббатом цистерцианского монастыря.

И вот этот человек, о котором мы столь мало знаем, вскоре предстанет перед нами как организатор первой группы рыцарей-тамплиеров. Поначалу их двое, потом добавляется еще семеро, и в 1118 году уже девять рыцарей предстают перед королем Иерусалима Балдуином II и рассказывают о своем намерении защищать дороги и охранять паломников, что направляются в Иерусалим.

Королю эта идея кажется хорошей, и он предоставляет рыцарям, у которых нет никаких средств к существованию, часть собственного дворца, что находится над тем самым местом, где, как считается, был храм Соломона.

Именно поэтому этих девяти рыцарей, очень бедных, начинают называть рыцарями Храма, храмовниками, или тамплиерами¹.

Кроме того, монахи Гроба Господня уступают им еще один кусок земли, и наши девять рыцарей обосновываются в этом месте.

До сих пор все идет более или менее нормально, но тут на изначальное бедных рыцарей вдруг проливается настоящий дождь даров и пожертвований, а спустя буквально несколько лет к ним начинает присоединяться множество людей, и среди них – весьма значимые персоны, как, например, сам граф Гуго Шампанский. Жизнь этого человека может подтвердить нам, сколь значимым событием стало появление ордена, нужно только остановиться на некоторых обстоятельствах.

Гуго Шампанский сравнительно молод – в то время, когда возникает орден, ему не более сорока. Он, как известно, не участвовал в Первом крестовом походе, однако уже бывал в Святой Земле. Пробыв там достаточно долгое время, он возвращается на Запад и устанавливает отношения с аббатом монастыря Сито. В результате их встречи, их общения аббат Сито решает посвятить работу всего своего монастыря, всех своих людей расшифровке древнееврейских священных текстов. Создается впечатление, что они вдруг получают приказ

¹ «Храм» по-французски «тамплъ» (прим. ред.).

приступить к этому особому заданию. Да еще вызывают самых знающих раввинов и мудрецов, что тогда были во Франции, чтобы те им в этой работе помогали.

Рыцари, отправляющиеся в крестовый поход
*Миниатюра из «Истории деяний в заморских землях» Вильгельма Тирского.
XIII в. Национальная библиотека Франции, Париж. Фото репродукции*

Граф Шампанский снова едет в Святую Землю на год, снова возвращается на Запад, снова общается с аббатом Сито. И поскольку все вроде бы идет хорошо, граф выделяет кусок своих владений для постройки монастыря, во главе которого встанет очень молодой человек – Бернар де Фонтен; в то время ему было около двадцати.

По нашим критериям оценки возраста Бернара никак нельзя считать мудрым, знающим человеком, способным организовать что-то значительное, ведь он почти ребенок.

Но этот «ребенок», который станет *святым Бернаром*, обладает некоторыми особыми качествами. Он действительно возведет монастырь в Клерво, окружит себя двенадцатью избранными монахами, и вместе они посвятят себя продолжению своей задачи. О какой задаче идет речь, мало кто знает и тем более мало кто сможет что-то написать.

Тем временем Гуго Шампанский хочет вступить в орден Святого Иоанна – орден госпитальеров. Но ему не разрешают, так как он женат, имеет сына, у него титул, владения...

Не видя выхода из этой ситуации, отчаявшись, он не находит ничего лучше, чем отправить на Восток своего представителя Гуго де Пайена, о котором говорилось выше.

Годы спустя граф Шампанский расстанется с женой, откажется от титула, от всех владений и, будто ведомый какой-то внутренней силой, уедет на Восток, примкнет к девяти рыцарям, разделит их тайную миссию.

В этой коллизии интересно абсолютно все. Если этот человек страстно хотел воевать, сражаться с мусульманами, заботиться о святых местах, охранять дороги – в чем проблема?! Из одних только своих приближенных, рыцарей и вассалов он мог бы собрать целое войско и получить то, что хотел.

Откуда это горячее желание присоединиться к госпитальерам, а потом – к другим девяти рыцарям? Разве трудно ему было спасти свою душу, если, по общепринятой практике, со своими деньгами он мог совершить любые пожертвования и получить любые индульгенции? Откуда такое отчаяние, если только не было других причин, нам пока неизвестных?

Святой Бернар, или *Бернар Клервоский*, был личностью исключительной. Говорили, что он родился немного болезненным и часто чувствовал себя плохо, прежде всего в самые важные моменты или когда ему хотелось быть очень активным. Но многие особенности его жизни, его способа существования, его образа действия показывают нам, что он был настоящим сверхчеловеком.

Известна о нем одна фантастическая, мифическая история. В ранней молодости он проходил обучение в церкви неподалеку от Дижона, где родился. И однажды, когда он, коленапреклоненный, молился перед Черной Мадонной, ему было видение, что Мадонна надела на свою грудь, из нее появились три капли молока, и он успел испить этого священного напитка. Очень трудно истолковать это видение буквально. Как мы уже говорили, разбирать внешнюю форму мифов – дело весьма непростое.

Чудесное кормление св. Бернара
Гравюра. XV в. Фото репродукции

Может быть, перед нами какая-то алхимическая аллегория? Мы в этом не убеждены, но думаем, что это возможно, поскольку обычно Черные Мадонны символизировали тай-

ную мудрость, и тот факт, что Черная Дева вскармливает ученика, дает ясное указание на передачу мудрости.

Какими же особенными знаниями обладает этот юнец, когда в свои двадцать лет появляется в Сито? Этого мы не знаем, но он очень необычный юноша! Да, он поступает в Сито, но делает это не так, как другие. Он приходит не один, с ним еще тридцать человек. И когда он решает стать цистерцианцем, он убеждает и своих спутников вступить в орден вместе с ним. В числе этих тридцати – пятеро его братьев, его дядя, а остальные двадцать пять, как мы предполагаем, – его друзья.

Давайте спросим себя: а способны ли мы с вами убедить тридцать человек в том, во что мы действительно верим, да так убедить, чтобы они последовали за нами?

Итак, он вступает в Сито, и на него возлагается особая, важнейшая миссия – основать, по приказу графа Шампанского, аббатство Клерво.

Св. Бернар в аббатстве Сито

Миниатюра из рукописных хроник древних королей и бургундских герцогов. XV в. Британская библиотека, Лондон. Фото репродукции

С того времени влияние этого молодого человека в западном мире становится решающим. Несмотря на возраст, он, кажется, держит в своих руках судьбы Европы. Короли, папы, дворяне, епископы – все склоняются перед ним, и Бернар без всякого смущения может сказать: «Церковь – это я». И он говорит это папам, а те кивают, и соглашаются, и говорят: «Да будет так!» А ему всего двадцать пять. И это еще один штрих, который заставляет нас все-речь задуматься о масштабе этой личности, которой приписывали и парapsихологические способности, и глубочайшую, несмотря на молодость, мудрость, и колоссальную силу психологического восприятия.

Именно Бернар, необычная личность, который, кроме всего прочего, будет активно развивать культ Девы Марии и впервые использует выражение «Наша Госпожа» (фр. *Notre Dame*) для Девы Марии, – именно он будет регламентировать орден Храма, придавать ему форму, передавать учение и, возможно, его миссию.

Итак, у нас есть действующие лица – девять рыцарей, которые в 1118 году в Иерусалиме начинают охранять дороги. По прошествии десяти лет пятеро из этих девяти возвращаются во Францию, прочие остаются на Востоке. Кто-то из прибывших в Европу отправляется со срочными докладами к папе. Тут же назначается церковный собор – Собор в Труа.

Продолжают происходить события, привлекающие наше внимание: созывается собор, чтобы положить начало ордену. Это любопытно, такого никогда не бывало! Когда хотели создать орден, все происходило гораздо проще: просили разрешения, получив разрешение, устанавливали светские нормативы, по которым собирались управлять орденом, а когда эти нормы утверждались, орден начинал действовать. Но созывать собор – это действительно странно. Мало того, участники собора – все люди первой величины. Создается ощущение, что требовалось запустить этот проект на самом высоком уровне и придать ему исключительную значимость.

Когда Собор открывается, *Гуго де Пайен*, первый рыцарь, считавшийся основателем, излагает свое желание: начав с девяти первых рыцарей, создать орден, отличительной особенностью которого будет единство монашеского и воинского начал. Разрешение получено, и Бернару поручается разработать устав ордена.

Как мы видим, все очень просто, история кажется ясной. Но есть моменты, которые не очень-то стыкуются. Мы так и не знаем, для чего эта поездка на Восток, откуда желание там обосноваться. Мы можем спросить себя, например: если эти рыцари только и хотели, что охранять дороги, почему они просто не примкнули к госпитальерам, которые занимались тем же самым? Ведь вместе, объединив усилия, они гораздо лучше смогли бы выполнять эту задачу. Но, за исключением того, что тамплиеры заботились о дорогах, они не вели жизнь воинов – по крайней мере, на Востоке. В то время как король Иерусалима Балдуин вступал в сражения чуть ли не каждый день, лицом к лицу с врагами, тамплиеры оставались в своем уединенном убежище. Они жили как монахи. Нужно было охранять дороги? Они охраняли. Но, выполнив задачу, тут же запирались в своей резиденции.

Король Иерусалима Балдуин II отдает в распоряжение Гуго де Пайена и Годфруа де Сент-Омера часть своего дворца на месте бывшего храма царя Соломона
*Миниатюра из «Истории деяний в заморских землях» Вильгельма Тирского.
XIII в. Национальная библиотека Франции, Париж. Фото репродукции*

Более того, поскольку жили они на месте бывшего храма Соломона, то в течение этих десяти лет они раскапывали подземные помещения храма. Слишком много места для девяти рыцарей, к тому же давших обет бедности! Для чего столько места, столько комнат, для чего раскапывать конюшни, внутренние помещения, для чего просить все новые и новые части дворца, пока он полностью не окажется в их распоряжении?

Это все детали, которые, если не уделить им внимания, останутся незамеченными, а история пойдет своим чередом. Но если мы обращаем на них внимание, то все время возвращаемся к вопросу: почему?

Известно, что тамплиеры начинают получать пожертвования, что многие впоследствии к ним присоединяются, многие им помогают. Но как быть с теми пожертвованиями, которые они получали еще до того, как орден был создан? Люди, которые делали пожертвования, – почему они их делали? Кому шли эти дары, если ордена еще не существовало? Что происходило? Что здесь готовилось? Действительно ли орден возник спонтанно, или за

этим стояло что-то, что поддерживало весь этот процесс, а в определенный момент вывело его на поверхность?

В чем заключается миссия тамплиеров? На первый взгляд, она предельно ясна: заботиться о дорогах, защищать паломников, потом создать орден монахов-воинов, и все для тех же целей – для защиты Гроба Господня, для защиты религии, для защиты традиций Запада... Но нам такая миссия кажется слишком простой, слишком похожей на миссию других орденов, существующих к тому времени. Какая нужда создавать для этого особый орден, да еще мобилизовать для его учреждения практически всю западную церковь – ведь на том знаменитом соборе в Труа, где было провозглашено создание ордена Храма, собрались все?

Мало того, в последующие двадцать лет после основания ордена тамплиеров начинают, как по волшебству, возникать ордены того же типа, в которых монахи – это не только монахи, но также и воины.

В древних цивилизациях, как на Востоке, так и на Западе, существует такое понятие, как воин-жрец. Например, в Индии, когда речь идет о четырех знаменитых индийских кастах (не о социальных кастах, которые мы знаем сегодня, но о древних кастах духовного плана), мы видим, что жрец и воин составляли единое целое. Жрец – это тот, кто знал и оглашал законы, кто придавал упорядоченность формам жизни. А воин защищал эти законы ценой собственной жизни. Единство между этими двумя типами людей было столь тесным, что порой оба качества объединялись в одном человеке.

На Западе Платон в своем «Государстве» говорит о «золотых» и «серебряных» людях. «Золотые» люди – это мудрецы, «серебряные» люди – воины. Снова – монахи и воины. И требуется тесное единство между ними, чтобы государство, о котором говорит Платон, могло развиваться. Есть ли нечто подобное у тамплиеров?

Ковчег Завета

Иногда кажется, что первые десять лет, которые эти рыцари проводят на месте храма Соломона, посвящены не только раскапыванию нового пространства для более комфортного жилья. Кажется, будто они ищут что-то. От всех их поездок, встреч, указаний возникает ощущение, что они стремятся спасти нечто чрезвычайно ценное.

Некоторые авторы прямо заявляют: то, что тамплиеры стремятся спасти, то, что они так долго ищут и что, предположительно, находят в Иерусалиме, – это *Ковчег Завета* со Скрижалями Закона внутри.

Если мы хотя бы чуть-чуть отойдем от мертвой буквы, к которой привыкли, то сможем припомнить слова из книги Бытия: «И создатель сказал – я создал этот мир по числу, весу и мере». Возникает впечатление, что мир строится в соответствии с математическим Законом, который правит всей вселенной, что Великий Творец основывался на нескольких изначальных и неизменных архетипах.

Конечно, этот Закон находится на высоте того, кто способен его истолковать и исполнить. А мы же – мы просто люди, и со своей научной точки зрения мы способны лишь смутно разглядеть ограду Закона, стараясь доступными нам средствами постичь, каким же он может быть.

Время от времени «судьба» благоволит какому-то исследователю, и он «открывает» то, что искал на протяжении долгих лет. Что интересно, он находит это неожиданно, почти всегда случайно – и вот сделан еще один шаг в направлении Универсального Закона, к пониманию которого стремились прийти мудрецы всех времен. И если мы согласимся, что не все люди одинаковы и по своему уровню эволюции, и по своей способности понимать, и по своему развитию, причем не столько интеллектуальному, сколько внутреннему... Если мы примем это, то сможем допустить, что некоторые выдающиеся мудрецы могли подойти к этим законам ближе и передавали эти знания, как говорится, из уст в уста, строго следя, чтобы они не попали не в те руки. Ведь ужасно, когда знания подобной важности попадают к тем, кто не умеет правильно ими распорядиться. Это все равно что отдать мощное оружие в руки ребенка...

Итак, возможно, перед нами – ключ, который хранился в тайне на протяжении долгого, долгого времени и который вдруг появился в Иерусалиме. Быть может, его существование и составляло тайное знание тамплиеров. Подобные ключи почти всегда скрывают то, к чему имеют отношение.

Когда речь идет об универсальном Законе – том самом, что содержался в Скрижалях Закона, – в нем, с точки зрения алхимической, всегда говорится о золоте как о чем-то самом великом, самом благородном, самом совершенном, самом чистом...

Традиций, связанных с золотом, очень много. Например, Золотая пропорция, которая во времена Пифагора была известна лишь среди его избранных учеников.

Ковчег Завета

Фрагмент северного портала собора Нотр-Дам.

XIII в. Шартр, Франция

Что такое Золотая пропорция? Формула, которая позволила бы, говоря схематически, преобразовать законы геометрии – перейти от геометрии линейной к геометрии кривых. И отсюда – знаменитая проблема квадратуры круга, превращения квадрата в круг.

Но хотя о Золотой пропорции написано множество книг, хотя ее числовое значение сегодня всем известно, остается непонятно, что с ней делать. Для чего она служит? Где применяется? Как ее понимать?

Другое пифагорейское знание, из разряда все тех же геометрических законов, которые в ходу уже довольно давно, – это Золотой угол, дающий ключ к измерению вселенной и даже ее триангуляции, знание, которым в полной мере обладали египтяне, о чем свидетельствуют их постройки. Но нам это снова ничего не дает. Мы знаем, что это за угол, каково его числовое значение, но что нам с этим углом делать?

Другие традиции с точки зрения культуры к нам гораздо ближе, например знаменитые золотые яблоки из Сада Гесперид, которые дошли до нас еще из традиции атлантов. Можно вспомнить и о Золотом Руне, и о множестве других мифов о золотых предметах, совершенных и чистых, в которых всегда нуждались храбрые рыцари. Они отправлялись на их поиски, отваживались вступать в жестокую битву, чтобы завладеть сокровищем, что в символическом плане означает завладеть мудростью и добиться с ее помощью нового образа жизни, новой формы цивилизации.

Ковчег Завета, согласно традиции, был покрыт золотом, внутри находились знаменитые Скрижали Закона, или какие-то формулы, или что-то другое – и кто знает, что именно?

Сами евреи, которые долгое время владели Ковчегом, видимо, не могли ими воспользоваться, пока не появилась личность масштаба Соломона, который, как говорили, воспри-

нял все знания древних египтян. Весьма вероятно, что Моисей, покидая Египет, забрал с собой многие из этих знаний, египетских знаний; и, если уж мы хотим проследить связи более точно, стоит вспомнить, что он провел двадцать лет своей жизни, обучаясь у египтян.

Создается впечатление, что где-то в тех местах хранилось некое сокровище. Сокровище, которое требовалось передать в особой форме – такой, чтобы его можно было понять.

Если те, кто владел этим сокровищем, этими законами, действительно могли построить Великую пирамиду как математическую модель порядка, правящего Вселенной, и если тамплиеры и вправду нашли эти законы и эти знания, то мы можем считать, что готическое искусство, возникшее как раз во времена основания ордена, также включает в себе эти секреты, а все готические соборы содержат в себе часть тайны Великой пирамиды... Нечто, с помощью чего человек может соприкоснуться с великими тайнами как в себе самом как в человеческом существе, так и в природе.

Заключение

Тамплиеры появились в Средние века.

О Средневековье всегда говорят как о периоде темном и мрачном, вспоминают о повсеместном невежестве, о грубых и жестоких обычаях... Однако Средние века играют в истории очень важную роль. Необходим промежуточный этап, мост между классической цивилизацией, которая разрушается и восстановить которую уже невозможно (можно ли восстановить разбитую вазу, зависит от того, насколько мелкие остались осколки), между чем-то, что уже нельзя снова склеить, и миром, который должен прийти следом, но еще не возник. Необходим особый период, во время которого собираются, накапливаются знания. И в этот период монастыри и храмы будут выполнять жизненно важную задачу — сосредоточивать знания в руках тех людей, которые способны их собрать, чтобы хранить и передавать, но в рамках весьма ограниченного круга.

Миссия средневековья заключается в том, чтобы собирать. Есть ощущение, что те из мудрых людей, которые не погружены в сон, которые осознают, в какое время им довелось жить, — неистово собирают и накапливают. Все философы, все мыслители и даже художники, как правило, упрекают Средние века в недостатке творческого подхода. Но разве в момент катастрофы, в момент перелома возможно творить? Или все же лучше собирать лучшее, что еще осталось, пока оно не исчезло совсем?

Быть собирателями и хранителями, какими и были великие личности Средневековья, вовсе не означает быть бедными духом. Наоборот, это свидетельствует об их великой исторической прозорливости. Собирают они не ради собственного удовлетворения — ведь для этого они могли заняться и каким-то творчеством, но делают они это потому, что ощущают необходимость любой ценой передать, сохранить историческую преемственность.

Это как раз та работа, которую с самого начала, со времен святого Бенедикта, выполняли бенедиктинцы: изучать, собирать все элементы классической традиции — памятники культуры, статуи, произведения искусства, все то, что не было разрушено, что не было рассеяно.

Когда *бенедиктинцы* приостанавливают эту работу, когда им на нее уже не хватает сил, появляется папа римский масштаба *Григория* /, который посвящает себя тому, чтобы собирать все ценное, что еще можно собрать, будь оно греко-римского, христианского или кельтского происхождения — из любой благородной, прекрасной, чистой традиции.

Затем мы встречаемся с *Клюнийской реформой*, когда бенедиктинцы совершают настоящий прорыв в целостном воспитании и образовании и создают что-то вроде университета гуманизма, собирающего и изучающего лучшее, что только можно представить себе в X веке. Мы видим *Сито и начало готики*, поначалу сдержанной. Видим *Бернара Клервоского и его скромный монастырь*, начавшийся с двенадцати монахов. Но нужно увидеть и то, что происходит после всего этого. В том числе и *тамплиеров*, девять бедных рыцарей, которые полностью изменят всю историю Запада как минимум на двести лет.

Существует определенная историческая непрерывность, и в периоде средних веков стоит видеть важный фактор, влияющий на жизнь человека.

Многие историки настаивают на том, что сегодня и мы сами находимся на пороге нового средневековья. Все более и более настойчиво начинают говорить о сломе так называемой западной цивилизации, о крушении ценностей, об утрате иллюзий, о нехватке идеалов, с которыми можно было бы устремиться вперед, и о том, что невозможно ясно увидеть завтрашний день. Средневековье подступает со всех сторон, и было бы интересно познакомиться с образом мыслей тех, кто оказывался в подобной ситуации до нас, представить, что мы сами сегодня могли бы предпринять – хранить, собирать, спасать, запоминать, передавать... Но именно это отчасти и делали тамплиеры, в большом масштабе и в качестве задела на будущее.

Итак, мы видим в их миссии две основные части.

Первая часть заключалась в том, чтобы *подступиться к тайне*, которую они обнаружили на Востоке, – назовем это Скрижалями Закона, Ковчегом Завета или как-то еще... Они соприкоснулись с чем-то, нашли нечто. Искусство готики, возникшее благодаря им, не имеет прецедентов, не имеет периода становления. Это искусство идеальное, безупречное, математически выверенное...

Вторая часть миссии – *планирование и запуск*. Таким образом они самыми разными способами показывают, что именно было найдено.

А нашли они, должно быть, секрет большой важности – на это указывает тот факт, что тамплиеры посвящают себя не какому-то одному из аспектов человеческого проявления, но всем аспектам. Тамплиеры не просто хотят построить храм. То, что они делают, – это цивилизационный импульс высокого уровня.

Они охватывают всё, начиная с сельского хозяйства, строительства соборов, искусства в целом, морали, обычаев, образа жизни, представления о государстве, о монархах, централизации стран, новых критериев того, каким может быть Запад, или Европа, если нам так угодно это называть.

Их задача невероятно широка, она имеет поистине цивилизационное действие.

Бенедиктинцы снова вернули предания легендарных времен, героические песни, что когда-то поднимали дух и возвращали человеку желание стать великим. Великим не значит высокопоставленным, это значит благородным, отважным, мужественным. Это и есть самый настоящий цивилизационный импульс, пусть даже он и не производит такого впечатления.

Есть множество мелких деталей, бросающихся в глаза. В хаосе Средневековья, когда все разобщены, разделены, где все против всех, тамплиеры попытаются совершить нечто небывалое. Они будут стремиться вернуть ощущение миссии, привнести порядок в общество, которое уже корчится в судорогах, пребывает в хаосе, и сделать это согласно канонам настолько древним, что можно вспомнить далекий Египет и существовавшую в нем *пирамидальную систему*. Имеется в виду общество прекрасно организованное, как пирамида, устойчивое, прочное, с надежным основанием и правильно расположенной остроконечной вершиной. Оно подобно человеческому телу, ноги которого стоят на земле, а голова устремлена вверх.

Главная, конечная мечта тамплиеров – построить ИДЕАЛЬНОЕ МИРОВОЕ ГОСУДАРСТВО.

Именно это когда-то хотел сделать Пифагор, создавая свою школу в Кротоне (судьба которой была печальна – ее сожгут, разрушат до основания) – свой идеальный город. Именно это когда-то мечтал воплотить Платон, когда писал свое «Государство» и пытался осуществить свою идею на Сицилии – тоже безуспешно, поскольку был продан в рабство. Именно об этом государстве когда-то думал Плотин, будучи последователем Платона.

И все эти мечты и устремления были подхвачены тамплиерами, они снова начинают мечтать об идеальном государстве, о законах всеобщего братства, о системе общественного порядка, при котором у каждого будут все возможности и средства, чтобы исполнить свое

призвание. Чтобы человек мог осуществиться, выразить себя, проявить все свои лучшие потенциалы.

Очевидно, что тамплиеры, представляя собой монашеский орден, не ограничиваются монашеской задачей. Они имеют и светскую миссию и выходят в мир, максимально открываясь ему.

Если бы у них была такая возможность, их идеал, начиная со святого Бернара, состоял бы в том, чтобы организовывать этот мир, заботиться о нем, защищать, приводить его в полное соответствие с теми универсальными законами, о которых они мечтают. Вспоминая готику, не будем забывать, что для тамплиеров важны не только сами соборы, но и места, где их строить. Почти всегда они будут возводить их там, где когда-то было старое святилище, или древний храм, или особая точка Земли, где, как считается, встречаются разные энергии.

И в заключение задумаемся о понятии *единства*, которое тамплиерам удастся привить Западу. Во времена средневекового феодализма термина «Запад» не существовало. И названия «Европа» – тем более. Ни самих слов, ни понятий таких не было. Но они принесут это новое понимание единства. И даже через само явление крестовых походов родится новый образ мыслей. Родится понимание, что если есть совместное дело, если есть общая цель, то есть и общий дух. И мы все еще являемся наследниками этого древнего сокровища.

Папа Гонорий II благословляет устав ордена Храма
*Картина Франсуа Гране. Фрагмент. XIX в. Версаль, Франция.
Фото репродукции*

III. Устав тамплиеров

Церковный собор в Труа. Устав

В 1128 году был созван собор в Труа, на котором и было принято решение создать орден Храма; тогда же Бернару Клервоскому было поручено подготовить для него устав – основные положения, которые определяли все его правила, регламент поведения и т. д.

Этот первый устав известен именно как *Устав святого Бернара*, хотя обычно о нем говорится как о Латинском уставе, определявшем нормы жизни тамплиеров. Была еще французская версия, более поздняя, возможно, с некоторыми небольшими добавлениями, но основной все же оставалась версия латинская, первая. Это не исключает того, что существовали и другие статуты и правила и что первоначальный устав постепенно расширялся и дополнялся.

Некоторые авторы считают, что организация тамплиеров формировалась уже по ходу дела, на основании опыта деятельности ордена. Мнение это обычно подается в критическом ключе, но совершенно не учитывает неизбежную реальность: если мы запускаем деятельность какой-то компании или предприятия, то логично, что мы делаем это на основании уже определенных положений и критериев. Критерии могут быть базовыми и даже предусматривать какие-то возможные коллизии. Но когда все начинает воплощаться на практике, когда день за днем возникает множество ситуаций, тоже совершенно логично, что появляются разные соображения, как их называли тамплиеры, появляются некоторые изменения и дополнения, которые нужно было учитывать.

Нет, ни одно из этих дополнений не меняет духа устава, но он применяется, используется, и тамплиеры растут и развиваются вместе с ним. Нет более печального зрелища, чем группа людей, отдающих себя идеалу, который с первых же дней стиснут рамками жестких правил, если к ним нельзя больше ничего добавить и если их нельзя изменить.

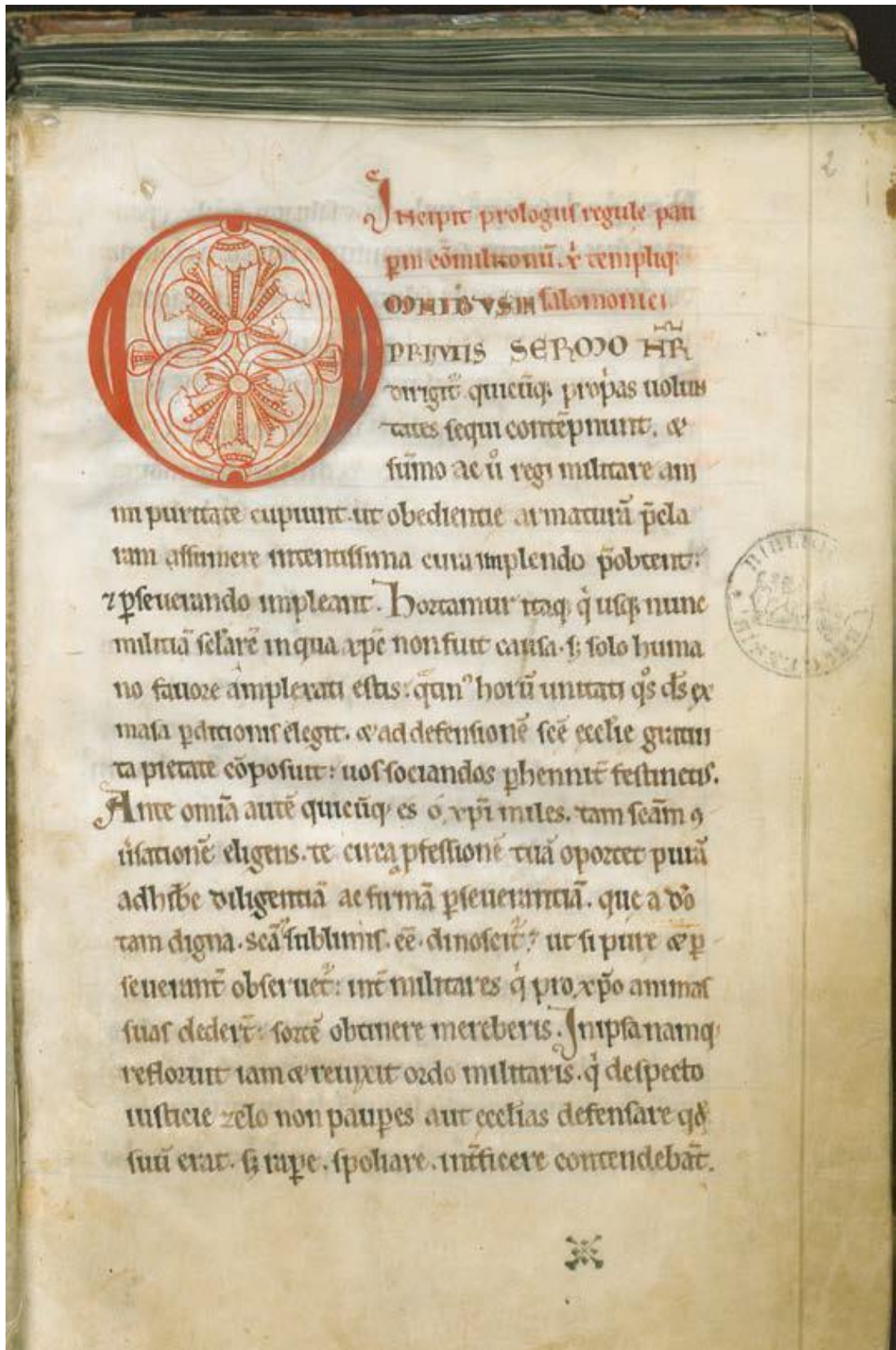
Вплоть до 1163 года, то есть еще почти 40 лет, организационная система тамплиеров остается несовершенной – ей нужно время, чтобы настроиться, устояться. Поначалу *устав* имеет характер *монашеский*. Ведь основывается орден религиозного типа, и хотя ориентируется он на монахов-воинов, это ни на минуту не ослабляет тот религиозный дух, который присущ его создателям.

Если мы вспомним, в частности, биографию Бернара Клервоского, то должны будем признать, что в первые годы влияние цистерцианского ордена на устав тамплиеров весьма велико, и так продолжается на протяжении всего периода развития ордена Храма.

Но были и некоторые различия. Устав тамплиеров был ближе к тем уставам, что использовались для новообращенных, чем к тем, что применялись для давших монашеский обет.

Орден тамплиеров почти с самого начала приобрел тот характер, который сегодня в нашем представлении имеет Иностранный легион. В легионе ни у кого не спрашивают, откуда он, кто он и что делал раньше, и даже не важно, как тебя зовут, потому что если ты

желаешь взять новое имя, то с этого момента ты как будто рождаешься заново. Имеет значение лишь твоё поведение именно с этого момента.

Вводная часть Латинского устава ордена тамплиеров

Публичная библиотека Брюгге, Бельгия

И в ордене с теми людьми, которые хотели поступить на службу, происходило примерно то же самое. *Никто никого ни о чем не спрашивал.* Более того, папа римский дал разрешение брать в орден отлученных от церкви, принимать тех, кто совершил проступок или преступление, но был помилован. Вплоть до того, что капелланы ордена получали право со временем «стирать» их вину, и таким образом люди, которые в противном случае оказались бы полностью отторгнуты обществом, получали в этом обществе место и роль.

В одной из своих работ Бернар пишет нечто очень любопытное. Он говорит, что, принимая отлученных от церкви, орден совершал дважды благое деяние:

– Западу было очень выгодно избавиться от таких людей, потому что некоторые из них были действительно опасны,

– Востоку было очень выгодно принять всех этих людей с их новым импульсом и желанием что-то сделать, что-то совершить.

Таким образом, выигрывали все – и сами эти люди, которые получали возможность искупления, и все остальные.

Поэтому, учитывая тот факт, что подобные обращенные существовали и что порой люди внешнего мира относились к ним с определенным подозрением, орден требовал от них *трех основных обетов – послушания, целомудрия и бедности*, но он не требовал от них постоянства и стабильности, как от обычных принявших обеты монахов.

Например, от тамплиеров требовалось, чтобы они носили бороду, а волосы стригли очень коротко, почти наголо. Борода была отличительным признаком, что они не только монахи, но и воины, в то время как всем другим бороды носить не позволялось.

Их религиозная практика тоже не была такой же, как в других орденах, потому что речь шла об ином типе людей и следовало эти практики адаптировать.

И, наконец, мы с самого начала обратили внимание на один существенный аспект: устав, который должен был быть чисто монашеским, открывается для некоторых особенностей рыцарства. Здесь появляются те факторы, которых нет в обычном уставе, но которые связаны с *рыцарством*. Создается впечатление, что для того, чтобы составить особые предписания для этих рыцарей, Бернар потрудился собрать древние традиции разных старинных воинских орденов, сведения обо всех испытаниях, которые должны были пройти рыцари, чтобы получить право называться рыцарями. Все это он и включил в первый устав.

С военной точки зрения, некоторые правила в ордене были по-настоящему суровыми. В своде подробнейших предписаний было учтено абсолютно всё, нарушениям не было прощения. Было прописано до мелочей, что должен делать каждый – от Великого магистра до солдат и прислуги. Дисциплина была тотальной, строгость была тотальной, и нужно было всему соответствовать, ведь вступающий клялся в этом.

Оригинал устава тамплиеров не сохранился. Да, существуют переводы и копии, но точность копии зависит от человека, а человеку свойственно ошибаться и что-то упускать.

Поскольку оригинала мы не имеем, возникает огромное количество противоречий. Можно предположить что-то одно, а можно предположить другое. Более того, есть люди, которые утверждают даже, что это был общеизвестный устав, а существовал еще другой, *внутренний, тайный устав*, но его никто не видел.

А когда возникают вопросы, почему этот *тайный, или внутренний, устав* ни разу не появился, почему он не был обнаружен ни при одном обыске и изъятии в рамках судебного процесса над тамплиерами, то обычно прибегают к такому доводу: потому что этот *внутренний устав* передавался изустно, и знали о нем лишь те, кто занимал в ордене достаточно высокое положение и был достоин этих секретов.

Но даже если и существовал этот внутренний устав, согласно которому орден не имел никаких прямых связей с церковными иерархами, а обладал гораздо большей свободой и был нацелен на работу, которая всегда была ему свойственна, – *на деятельность светскую*, деятельность в миру, то эта работа ни в коей мере не отрицала религиозных корней ордена, но при этом решала задачу принести цивилизацию Западу, о которой мы уже говорили.

Внутренняя структура ордена

Речь пойдет о внутренней организации ордена на основании того, что можно узнать непосредственно из самого устава или из того, что мы способны из него извлечь.

Существовало разделение по задачам, в соответствии с природными способностями человека.

Поэтому в ордене тамплиеров были:

– *рыцари-воины* – солдаты;

– *капелланы* – монахи, которые впоследствии тоже имели статус рыцарей;

– к третьей категории относились *сержанты – оруженосцы*, в задачи которых входило исключительно прислуживать вышеназванным рыцарям; они были кем-то вроде пажей, заботившихся об оружии, о лошадях, – словом, это те самые классические, идеальные оруженосцы из старых романов про рыцарей;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.